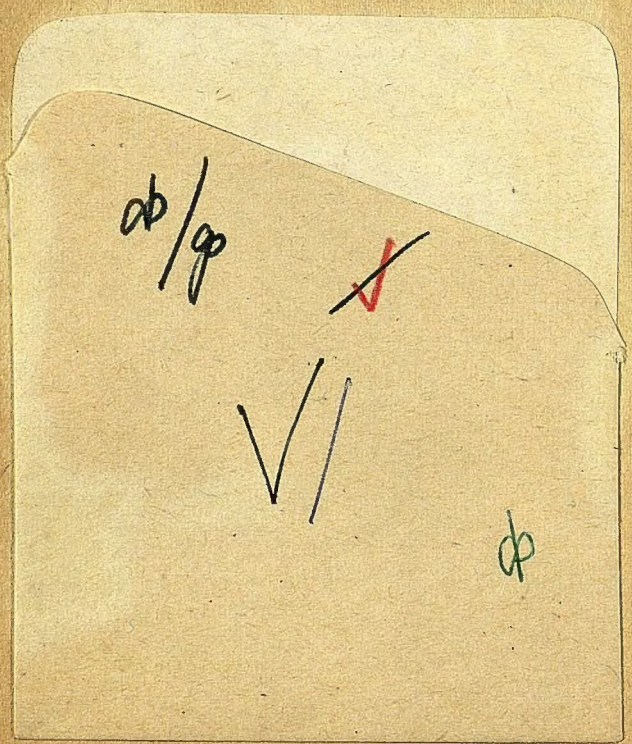
Б-2
Б.48
31602
Бебенков



Б-2
Б-48

К-1/М
~~Б. 48~~

М. БЕРЕЖКОВЪ.

ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА

ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

НАЧАЛА XVII-го ВѢКА.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи Института Кн. Безбородко и Гимназіи, 25 сентября 1892 года, въ праздникъ пятивѣковой памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго.

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академіи
Инв. № 31602

БИБЛИОТЕКА
Православ... о Богословского
Ин... Инв. 31602

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4
1893.

Печатано съ разрѣшенія Конференціи Института Кн. Безбородко
И. д. Директора Института, Инспекторъ А. Добіашъ.
Оттискъ изъ XII тома «Извѣстій Института».

БИБЛІОТЕКА

Милостивые Государи!

Съ давнихъ поръ, въ памятникахъ письменности и въ живой рѣчи, въ торжественномъ тонѣ и въ тонѣ обычномъ, спокойномъ, у насъ принято говорить про наше отечество, что оно есть „святорусская земля“, „святая Русь“. Въ этихъ изреченіяхъ заключается высокій смыслъ и высокая истина, для насъ отрадная. И мы должны ясно сознавать эту истину для себя, и говорить ее вслухъ всему свѣту.

Въ самомъ дѣлѣ: мы исповѣдуемъ православную вѣру христіанскую, высочайшую святую истину, больше которой нѣтъ ничего на свѣтѣ: Россія свята по этой вѣрѣ православной; она есть церковь, а церковь свята, какъ хранительница истины Христовой. И въ томъ еще смыслѣ свята Русская земля, что она прославлена подвигами многихъ святыхъ угодниковъ своихъ: они глубоко чтимы у насъ; мы молимся имъ, какъ ближайшимъ, природнымъ нашимъ молитвенникамъ предъ Господомъ; молясь имъ мы желаемъ подражать вѣрѣ ихъ и праведной жизни, выразить, подобно имъ, свою вѣру въ самыхъ дѣлахъ, въ самой жизни своей. И пусть „міръ во злѣ лежитъ“; пусть у насъ много тяжелыхъ грѣховъ историческихъ, тѣмъ болѣе тяжелыхъ, что мы исповѣдуемъ чистое христіанское ученіе, и хорошо знаемъ, какъ святъ и обязателенъ нравственный законъ Христовъ. Что же? Благость Божія безконечно больше нашихъ грѣховъ, а грѣхи могутъ быть заглажены покаяніемъ и обращеніемъ на путь праведной жизни. Въ русскомъ народѣ, глу-

боко набожномъ и церковномъ по внутреннему настроенію, всегда былъ живъ духъ покаянія и высокій идеалъ святости; у него предъ очами всегда живые примѣры благочестія—цѣлый ликъ русскихъ святыхъ и церкви вселенской; онъ уповаетъ, что милосердый Господь Богъ, по молитвамъ этихъ святыхъ, потерпитъ его грѣхамъ. Это покаяніе и это упованіе на милость Божію да на молитвы святыхъ угодниковъ суть спасительный залогъ исправленія и лучшей христіанской жизни. И опять нужно сказать: Русь свята этими упованіями на Бога и святыхъ Его, этимъ покаяніемъ и вѣрою, что многогрѣшная по дѣламъ она можетъ стать лучшею, что она не только по вѣрѣ, но и по дѣламъ самымъ можетъ, при помощи Божіей, становиться менѣе грѣшною, болѣе святою.

Да, милостивые государи: званіе „святой Руси“ глубоко отрадно для сердца каждаго изъ насъ, живущихъ на Руси святой, и въ то же время строго обязываетъ насъ поступать достойно высокаго званія гражданъ православнаго, святорусскаго отечества. Думаемъ, что въ день памяти великаго угодника Божія, пять вѣковъ чтимаго Русскою землею, намъ особенно полезно въ этомъ признаться, и принять это ближе къ нашему сердцу.

Въ многолюдномъ ликѣ святыхъ угодниковъ Русской земли, на ряду съ преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, кіевопечерскими подвижниками, въ вѣнцѣ особаго величія и святости сіяетъ преподобный Сергій, игуменъ Радонежскій. Русскому народу особенно дорога и какъ бы родственно-близка личность преподобнаго Сергія, смиреннаго и кроткаго, всѣмъ и каждому въ жизни служившаго, всѣмъ дававшаго миръ и благословеніе, учившаго словомъ и примѣромъ терпѣнію, любви, нестяжательности, простотѣ жизни, смиренію, самоотверженію. Кто не знаетъ преподобнаго Сергія? Кто не слыхалъ про него?. Его жизнь и подвиги въ пустынѣ, его услуги великокняжескому дому и всей землѣ Русской, собиравшейся вокругъ Москвы, да ополчавшейся на враговъ, своихъ порабoтителей, его чудотворенія при жизни и по кончинѣ, и послѣ прославленія его мощей,—всё это было предметомъ многихъ сказаній многихъ писателей древнихъ и новыхъ. „Но не исчетна широта земли и глубина моря, неисчетны и чудеса святыхъ“, говоритъ одинъ біографъ преподобнаго Сергія. Въ самомъ дѣлѣ: кто сможетъ счесть ихъ, описать? Кто, даже въ простотѣ вѣры и смиренія, разскажетъ эту

таинственную, но въ то же время самую дѣйствительную повѣсть о чудесахъ, испытанныхъ душами вѣрующими, по молитвамъ святыхъ? Чудеса сполна извѣстны лишь Богу да святымъ Его, и еще людямъ, надъ коими онѣ совершились. Да, неисчетны чудеса святыхъ, неизмѣримо нравственное вліяніе святыхъ на почитателей ихъ! Въ частности о вліяніи чудотворца Сергія, по нашему разумѣнію, прилично кажется сказать евангельскими словами: „блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю“. Преподобный Сергій дѣйствительно наслѣдовалъ Русскую землю: вѣдь она вся давно знаетъ и глубоко почитаетъ его; онъ же не перестаетъ молиться за нее.

Вы и сейчасъ слышали здѣсь назидательную повѣсть о жизни преподобнаго Сергія, о его чудесахъ, объ его заслугахъ Россіи [1]). Мы съ своей стороны предложимъ Вашему просвѣщенному вниманію повѣсть изъ смутнаго времени, о тѣхъ именно событіяхъ, гдѣ былъ участникомъ Троицкій Сергіевъ монастырь, вспомогаемый своимъ преподобнымъ основателемъ; въ особенности и прежде всего мы имѣемъ въ виду славную защиту монастыря отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, въ царствованіе государя Василія Ивановича Шуйскаго.

Время самозванцевъ и междуцарствія начала XVII-го вѣка въ исторіи Московскаго государства было дѣйствительно смутнымъ временемъ, какъ его называли уже современники: то была смута въ умахъ и чувствахъ прежде всего, то есть самая важная, опасная смута. (Справедливо сказано, что „кого Богъ захочетъ наказать, то отниметъ отъ него разумъ“.) Смута глубоко отразилась на всемъ теченіи дѣлъ государственныхъ, на всей внутренней жизни. Въ общихъ чертахъ Вамъ извѣстны причины, породившія ее, и ходъ развитія ея: кончилась на престолѣ династія Рюриковичей, великихъ собирателей Россіи, отнялась ихъ крѣпкая рука, державшая землю, а новые избираемые государи не сразу могли прочно утвердиться на престолѣ то по своей винѣ, то по винѣ другихъ людей, не вѣрно служившихъ имъ, то по разнымъ обстоятельствамъ, отъ нихъ и отъ ихъ слугъ независѣвшимъ. Началась преступная, злая игра самозванцевъ, завѣдомо ложныхъ, безсовѣстныхъ, коихъ выставляли и поддерживали своекорыстные, безсовѣстные же

[1]) Передъ тѣмъ была произнесена рѣчь г. учителемъ гимназіи И. А. Сребницкимъ.

люди польскіе и русскіе, хотѣвшіе ловить рыбы въ мутной водѣ; но многіе, очень многіе земскіе люди недоумѣвали, были въ сомнѣніи, просто не знали, подъ какое знамя имъ стать. Въ землѣ обнаружилась рознь, шатость, броженье, а главное—эти тяжелыя недоумѣнія о томъ, гдѣ законная и крѣпкая власть; иные же хотѣли не разсуждать, а скорѣе пользоваться для себя такимъ положеніемъ вещей: измѣняли „Московскому государству“, очень легко переходили изъ лагеря въ лагерь, присягали и отсягали по разсчетамъ честолюбія да корысти. А тутъ движенія разнузданной черни и козаковъ, своеволіе и мятежное настроеніе многихъ вліятельныхъ людей, забвеніе общаго интереса, ослабленіе нравственныхъ понятій,—короче сказать: общее безнарядье! И свои люди получше, у кого болѣло сердце при видѣ общественной неурядицы, и чужестранцы наблюдавшіе русскую жизнь того времени, дивились такому ослабленію нравовъ, опасались, что дѣло можетъ, пожалуй, окончиться распаденіемъ земли, что ее завоюютъ и подѣлятъ на части сосѣди: поляки, шведы, татары; нѣкоторые же, особенно глубоко сокрушавшіеся сердцемъ, да слишкомъ мнительные люди впадали иногда въ отчаяніе, „мнѣша на Руси православію уже не быти“ (1).

Но православіе не могло погибнуть; оно-то и спасло землю отъ бѣдствій внутренняго безнарядья и отъ опасностей внѣшнихъ. Велики были грѣхи, да велико и покаяніе людей русскихъ того времени, „той годины напастей, стыда и славы“, по вѣрному выраженію одного историка. Не одни кривые дѣятели, не одни слабодушные люди выступили на историческую сцену; были вверху и внизу дѣятели прямые, честные, даже героическіе, то есть прежде всего, во внутренней основѣ характера ихъ, благочестивые русскіе люди. Да и огромное большинство земскихъ людей, служилыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ, были люди порядка и труда; они давно чувствовали тяжесть безнарядья; у нихъ давно уже стали проходить сомнѣнія и недоумѣнія; они собственно очень скоро вразумились на счетъ кривыхъ дѣятелей, да только не сразу сложились силами, не могли сразу согласиться, сговориться какъ слѣдуетъ для того, чтобы очистить отъ нихъ землю; подъ конецъ они исполнили трудную задачу, собрались съ силами и возстановили порядокъ. Оказалось такимъ образомъ, что смутное время было въ своемъ родѣ собираніемъ земли, то есть собираніемъ ея собственными

усиліями и средствами, подъ знаменемъ православной вѣры, вокругъ того же города Москвы, къ которому собирали землю потомки великаго князя Ивана Даниловича Калиты, великіе князья и цари всея Руси.

Но обратимся къ предложенному повѣствованію. Это было въ 1608 году, въ третій годъ многомятежнаго царствованья Василія Ивановича Шуйскаго. „Московское государство“, то есть столица, было въ осадѣ; въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ, принадлежавшемъ Троицкому Сергіеву монастырю (2), стоялъ таборомъ второй Лжедимитрій, пресловутый „тушинскій царикъ“, или „тушинскій воръ“, какъ прямѣе его обзывали. Его окружали люди—разный сбродъ: русскіе измѣнники, поляки, козаки, татары; таборъ былъ пестрый и шумный, со дня на день увеличивавшійся приходомъ новыхъ искателей наживы, „перелётовъ“ изъ Москвы, иногда цѣлыхъ отрядовъ польскихъ подъ начальствомъ пановъ, искателей приключеній, да такъ называемой военной славы, а главное—добычи денежной, благо что теперь на Руси можно было безнаказанно пожить наѣздничествомъ и грабежемъ. Недавно, именно лѣтомъ 1608 года, прибылъ въ Тушино съ предложеньемъ услугъ тутошнему царику очень знатный панъ: то былъ Янъ Петръ Павелъ Сапѣга (по русски звавшійся „Петръ Павлычъ“), староста усвятскій и керепетскій, сынъ кіевскаго каштеляна Павла Сапѣги, племянникъ Льва Сапѣги, канцлера литовскаго; въ своемъ государствѣ онъ былъ осужденъ за убійство, но не подчинился приговору суда; вопреки запрещенью королевскому, и вопреки совѣту дяди канцлера, онъ оставилъ свое староство, и съ небольшимъ отрядомъ разнаго вольнаго сброда ушелъ въ Россію, въ подмосковный тушинскій таборъ Лжедимитрія, обѣщавшаго жаловать его за службу. Раньше его годомъ, въ Россію пришелъ Лисовскій, предводитель шайки отчаянно смѣлыхъ наѣзниковъ, множество зла причинившій русскимъ деревнямъ и городамъ. И вотъ въ Тушинѣ рѣшено было отправить Сапѣгу и Лисовскаго съ ихъ отрядами въ усиленномъ составѣ подъ Троицкую Сергіеву Лавру: она слыла, да и дѣйствительно была богата, значитъ интересно было воспользоваться ея казной; она лежитъ на большой дорогѣ отъ Москвы къ Ярославлю, въ Поволжье и во всё Поморье; по этой дорогѣ шло большое движеніе, по ней везли въ столицу товары, казну; еслибы, значитъ, удалось захватить лавру, то для осажденной Москвы прервалось бы, или по край-

ней мѣрѣ очень затруднилось бы сообщеніе съ сѣверными городами: столицѣ и царю Василію стало бы еще тѣснѣе. Да и важно было бы занять войсками названнаго тушинскаго Димитрія Троицкій монастырь, представлявшій изъ себя первоклассную крѣпость Московскаго государства: хорошо было бы помѣстить въ этой крѣпости надлежащій гарнизонъ; наконецъ, если бы сверхъ всякаго—де чаянія, не удалось взять монастыря, то во всякомъ случаѣ важно было бы расположиться укрѣпленнымъ станомъ подъ этимъ монастыремъ, на столь важной дорогѣ, не вдалекѣ отъ главнаго стана Тушинскаго, или „большихъ таборовъ“, какъ говорилось иначе, не вдалекѣ отъ Москвы и Ярославля, отъ Дмитрова и Переславля. Право, хорошее мѣсто!. Рѣшили,—и отправили значительный отрядъ подъ монастырь; царское войско изъ Москвы пробовало удержать Сапѣгу отъ его предпріятія, но онъ отбился отъ этого войска, даже причинилъ ему уронъ и дошелъ—таки до монастыря, 23 сентября 1608 года. Оказалось однако легче задумать предпріятіе, да весьма трудно выполнить его; оно оказалось даже совсѣмъ невыполненнымъ со стороны Сапѣги и его товарища, ему подчиненнаго, Лисовскаго (3).

Троицкій Сергіевъ монастырь съ половины XVI-го вѣка имѣлъ хорошія каменныя стѣны въ видѣ четвероугольника, на протяженіи больше версты въ общей сложности, толщиною въ полторы и въ двѣ сажени, вышиною въ двѣ сажени до зубцовъ, а въ иныхъ мѣстахъ въ двѣ сажени съ половиной; по угламъ и вдоль линій стѣнъ возвышались двѣнадцать башенъ разнаго вида (круглыхъ, плоскихъ); въ стѣнахъ и башняхъ устроены три ряда боевъ, то есть отверстій для стрѣльбы: подошвенный бой, средній и верхній; пищали, пушки, тюфяки, органки были расположены у этихъ боевъ, на случай прихода непріятелей. Въ такомъ видѣ монастырь представлялъ собой настоящій „городъ“; тогда такъ и говорилось про него: „осаждать городъ“, „идти въ городъ“ и т. п. (то есть, говорилось въ военное время). Мѣстность вокругъ лавры холмистая, да овражистая: по дну враговъ текутъ ручьи и маленькая рѣчка Кончура; по мѣстамъ, гдѣ природныя скопленія воды поглубже, были устроены монастыремъ пруды съ помощью плотинъ; подъ самыми стѣнами монастыря находились огороды, подальше—мельницы, различныя хозяйственныя службы, монастырскія слободы Клементьевская, Служня и другія; въ окрестностяхъ сначала перелѣски,

а дальше большіе, дремучіе лѣса. Мѣстность для осаждающихъ вообще не представляла сколько нибудь значительныхъ препятствій; но она, кажется, больше была удобна для осажденныхъ, кои, отчетливо зная мѣстность вокругъ монастыря, могли небольшими партіями смѣло отваживаться на вылазки по тропинкамъ чрезъ плотины, да чрезъ овраги, и благополучно ими же возвращаться въ монастырь. Число монашествующей братіи въ лаврѣ доходило въ то время до трехъ сотъ человѣкъ; число воинскихъ людей, заблаговременно сѣвшихъ въ осаду, (которая не была не предвидѣнной ни для царя Василія Ивановича, ни для монастырскихъ властей), простиралось до 2300 человѣкъ; то были дворяне и дѣти боярскія, стрѣльцы, козаки и другіе воинскіе люди, подъ начальствомъ двухъ воеводъ, окольничаго князя Григорія Борисовича Долгорукаго и дворянина Алексѣя Ивановича Голохвастова. Нѣкоторую помочь этимъ воинскимъ людямъ оказывалъ свой монастырскій и пришлый народъ, какъ-то: слуги монастырскіе и крестьяне изъ слободъ, потомъ крестьяне изъ ближнихъ селъ и деревень, переселившіеся въ монастырь съ семействами, ради сохраненія отъ непріятелей, да крестьянскій же людъ, собравшійся изъ разныхъ мѣстъ на обычное богомолье, ко дню памяти преподобнаго Сергія, но сверхъ ожиданія и воли оставшійся въ монастырѣ въ осаду. Въ Троицкомъ же монастырѣ нашли себѣ пріютъ на время осады нѣкоторыя инокини сосѣднихъ женскихъ монастырей, а между ними двѣ знатнаго происхожденія, именно: Марфа Владиміровна, бывшая королева Ливонская, племянница царя Іоанна Грознаго, и Ксенія (Ольга) Борисовна Годунова, несчастная дочь несчастнѣйшихъ родителей, которая года два тому назадъ горестно провожала гробы ихъ и брата, царя Ѳедора Борисовича, несенные троицкими иноками изъ московскаго Варсонофьевскаго монастыря въ Сергіеву Лавру (4). Всего людей обоего пола, разнаго возраста и званія,—иноковъ, воинскихъ людей, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, да разныхъ постороннихъ пришельцевъ, сѣвшихъ въ осаду въ лаврѣ, было, говорятъ, до пятнадцати тысячъ (5). Еслибъ монастырскихъ сидѣльцевъ разнаго рода было на самомъ дѣлѣ гораздо меньше этой гадательной цифры; еслибы ихъ было на треть и даже на половину меньше этой цифры, то и въ такомъ случаѣ населенность монастыря въ осадное время, была бы всё таки очень значительной, слишкомъ даже тѣсной. Кромѣ людей, въ оградѣ

монастырской помѣщались лошади и рогатый скотъ. Короче сказать: огромная скученность! Конечно, многіе крестьяне оказывали нѣкоторую помочь воинскимъ людямъ; но вообще пришлый случайный народъ представлялъ собой для монастырскихъ властей и для воеводъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ помочи: надобно было прокормить, согрѣть, размѣстить, держать въ дисциплинѣ весь этотъ пришлый народъ! А главное—эта огромная скученность на небольшомъ пространствѣ! Она привела къ опасной болѣзни, отъ которой перемерло большинство монастырскихъ сидѣльцевъ, отъ которой едва не потеряно было всё дѣло героической защиты лавры... Впрочемъ это обнаружилось послѣ. Итакъ монастырскіе жители сѣли въ осаду. Чтобы не дать непріятелямъ лишнихъ средствъ противъ себя, монастырь сжегъ свои службы за стѣнами; Клементьевскую слободу еще раньше сжегъ Лисовскій.

✓ Осада лавры польскими людьми и русскими измѣнниками, число коихъ также не опредѣлимо съ точностью (6), какъ и число осажденныхъ, (во всякомъ случаѣ осаждающихъ было больше), началась съ 23 сентября 1608 года, за два дня до праздника памяти преподобнаго Сергія: не весело, печально на этотъ разъ встрѣчала лавра свой годовой праздникъ. Осада съ этого времени продолжалась осень, зиму, весь 1609 годъ, а кончилась только въ генварѣ 1610-го года, значитъ продолжалась больше 15 мѣсяцевъ. Да, милостивые государи! почти 16 мѣсяцевъ осады, болѣе или менѣе тѣсной, выдержала Троицкая Сергіева Лавра!.. У насъ было уже не мало историковъ славной, истинно подвижнической защиты лавры осажденными въ ней, но, кажется, еще не было пѣвцовъ ея. А право: изъ исторіи этой защиты могла бы выдти цѣлая эпопея. Для нея есть всѣ элементы: тутъ битвы войскъ и схватки отдѣльныхъ лицъ богатырской силы; тутъ приступы и вылазки, перемирья и перебранки, иногда суровыя проклятья другъ другу, къ какимъ только способны озлобившіеся братья (среди осаждающихъ—половина русскихъ измѣнниковъ); тутъ страхъ войны и моровой язвы, тяжкое напряженное состояніе всѣхъ чувствъ, тутъ же надежда, вѣра, терпѣнье осажденныхъ; тутъ людскія страсти, тутъ и молитвы, и участіе Высшихъ силъ. Право, героическое дѣло, а ближе говоря, и существенно называя его—религіозное, подвижническое дѣло троицкихъ сидѣльцевъ. Всѣ они были одушевлены вѣрой, что Чудотворецъ

не выдастъ врагамъ иновѣрцамъ своей обители, что сама Божія Матерь обѣщалась всегда покровительствовать Сергіеву обитель, что Господь внемлетъ молитвамъ Ея и преподобныхъ Сергія и Никона. Въ этомъ одушевленіи—высокая нравственная сила осажденныхъ; она не только уравнивала борьбу, но даже перевѣшивала ее въ пользу осажденныхъ (7).

Въ день памяти Сергія, архимандритъ монастыря со властями взялъ клятву у мощей преподобнаго съ обоихъ воеводъ, со всѣхъ воинскихъ людей и со всѣхъ монастырскихъ сидѣльцевъ: всѣ цѣловали крестъ на томъ, что будутъ сидѣть въ осадѣ безъ измѣны; когда черезъ четыре дня послѣ того Сапѣга и Лисовскій пробовали было письмами склонить архимандрита и воеводъ къ сдачѣ монастыря, на имя царя Димитрія, то получили рѣшительный отказъ въ очень суровыхъ выраженіяхъ. Тогда непріятели начали осадныя работы, стали готовиться и къ приступу. Устроя въ двухъ мѣстахъ для себя остроги, иначе таборы, чтобы въ нихъ расположиться на продолжительное стоянье, они начали копать по направленію къ монастырю рвы, изо рвовъ же хотѣли потомъ вести подкопъ подъ самую монастырскую стѣну; готовили туры, тарасы, рубленые щиты, дѣлали всякія осадныя приспособленія; на высотахъ разставили десятки пушекъ, изъ коихъ открыли пальбу съ 3-го октября, и продолжали ее, по словамъ современнаго историка осады, т. е. Авраамія Палицына, въ теченіи шести недѣль. Стрѣляли между прочимъ калёными ядрами, или „огнянками“, какъ звали ихъ въ монастырѣ, но выстрѣлы издалека и не очень искусно направляемые, не причиняли ожидаемаго вреда, не произвели пожара въ монастырѣ. На 14-е число октября Сапѣга и Лисовскій назначили приступъ: литовскіе люди и русскіе измѣнники, предварительно угощенные виномъ, устремились горячо со всѣхъ сторонъ къ монастырю съ лѣстницами, со щитами и тарасами на колесахъ, притомъ съ крикомъ и съ музыкой; но „граждане“ бились съ непріятелями со стѣнъ, стрѣляли изъ пушекъ и пищалей, многихъ побили: приступъ враговъ, сильно выпившихъ, не удался; они поспѣшно отступили, бросая подъ стѣнами щиты, тарасы и лѣстницы, кои на другой день монастырскіе сидѣльцы забрали себѣ на дрова. Черезъ пять дней сами сидѣльцы рѣшились на вылазку двумя полками: конными и пѣшими людьми; непріятели „сурово устремились“ на нихъ: начался бой, на

коемъ съ обѣихъ сторонъ многіе „испили смертную чашу“ [1]); но потери монастырскихъ людей были значительнѣе, судя по тону описанія этой вылазки у Палицына: много стрѣльцовъ, козаковъ и даточныхъ людей были побиты и ранены; по возвращеніи въ монастырь тяжко раненые были сподоблены въ будущую жизнь, усопшіе преданы честному погребенію. Къ довершенью непріятности, на этой вылазкѣ перебѣжалъ къ непріятелямъ одинъ монастырскій слуга. Болѣе удачна была вылазка въ Дмитріевъ день 26 октября: архимандритъ Іоасафъ рано утромъ совершилъ крестный ходъ по монастырскимъ стѣнамъ; замѣченные непріятели, которые работали во рвахъ и ямахъ, не далеко отъ стѣнъ, съ испуга разбѣжались; тогда воеводы Долгорукій и Голохвастовъ рѣшили напасть на передовыя заставы непріятельскія, дѣйствительно напали на нихъ и разсѣяли; взятый важный плѣнникъ, ротмистръ польскій, далъ показаніе, что подъ стѣну ведется подкопъ, но неизвѣстно—де въ какомъ мѣстѣ. Это показаніе распространило огромную тревогу въ монастырѣ: „подкопъ—и не извѣстно гдѣ! А что если теперь же послѣдуетъ взрывъ стѣны?“ Въ слѣдующіе дни изъ города предпринимается нѣсколько новыхъ вылазокъ: хотѣлось добыть новыхъ плѣнниковъ, такихъ „языковъ“, чтобы точнѣе узнать про подкопъ, гдѣ именно онъ ведется врагами; въ то же время монастырскому слугѣ Корсакову, искусному въ крѣпостномъ землекопаніи, поручено было подъ башнями и въ стѣнныхъ „кіотахъ“ копать землю и дѣлать частые „слухи“, чтобы дознаться о подкопѣ: однако ни монастырскому землекопу не удавалось дознаться чего нибудь на счетъ подкопа, ни отъ плѣнниковъ узнать что нибудь новаго: плѣнники только показывали, что подкопъ ведется уже съ 12 октября. Непріятно, тяжело!... А тутъ еще—чувствительныя потери на вылазкахъ: такъ, напримѣръ, 1 ноября монастырскіе сидѣльцы потеряли изъ своей среды 190 человѣкъ убитыми и ранеными; да тогда же въ языкй взято непріятелями „на подкопномъ рвѣ“ старецъ священникъ Левкія и трое служилыхъ людей. Только 4 ноября наконецъ былъ добытъ желанный языкъ: на вылазкѣ этого дня

---

[1]) Употребляемъ здѣсь выраженіе Авраамія Палицына, не разъ у него находимое, равно и у другихъ писателей смутнаго времени, впрочемъ употребляемое въ тонѣ обычномъ, а не то чтобы въ высокомъ, торжественномъ каждый разъ.

былъ захваченъ въ плѣнъ раненый козакъ дѣдиловскій, который точно указалъ мѣсто подкопа. Получа столь важное указаніе, воеводы велѣли внутри города, насупротивъ подкопа, сдѣлать особый острогъ, насыпать тарасы и пристроить нарядъ, дабы въ случаѣ взрыва стѣны, встрѣтить въ проломѣ непріятелей; они же велѣли для скорой вылазки очистить потайныя ворота изъ-подъ стѣны городовой въ ровъ: монастырскіе каменосѣчцы отыскали этотъ „старый вылазъ“, очистили его, придѣлали въ немъ трои желѣзныя двери. Теперь въ монастырѣ нѣсколько успокоились; но непріятели употребляли всѣ усилія ко взятію его. День 8 ноября былъ особенно тяжекъ для лавры: въ этотъ день непріятели открыли жестокую стрѣльбу; ядра влетали въ Троицкій соборъ, поражали иконы; въ церкви стоялъ общій плачъ, ужасъ; одинъ инокъ былъ убитъ ядромъ на пути въ церковь; убита еще инокиня. Однако архимандритъ Іоасафъ ободрялъ, утѣшалъ молящихся; онъ разсказалъ, какъ ему и другимъ инокамъ являлись Архистратигъ небесный и преподобный Сергій, какъ они обнадеживали своей помощью сидѣльцевъ. А сидѣльцы со стѣнъ отвѣчали на непріятельскую стрѣльбу также стрѣльбой, иногда очень удачною: была у враговъ, разсказываетъ Авраамій Палицынъ, пищаль люта зѣло, по прозванію „трещёра“, истинно злой сосудъ, много чинившій вреда выстрѣлами; сидѣльцы замѣтя ее стали особенно на нее направлять свои выстрѣлы, и подъ конецъ заставили ее молчать: сначала разбили у ней „зелейникъ“, потомъ „устье“. На слѣдующій день сидѣльцы отплатили врагамъ за жестокую стрѣльбу стремительной и весьма успѣшной вылазкой на нихъ: по звуку осаднаго колокола, съ именемъ въ устахъ „Сергій“, сидѣльцы подъ начальствомъ нѣсколькихъ головъ, въ томъ числѣ многихъ старцевъ монастырскихъ, устремились на непріятелей, поражали ихъ въ разныхъ мѣстахъ, отступали чтобы собраться съ силами, отдохнуть,—и снова вступали въ битву, длившуюся цѣлый день. Въ ней принимали участіе лично Сапѣга и Лисовскій; она, правда, дорого стоила монастырскимъ ратоборцамъ, ибо они потеряли убитыми 174 человѣка, да ранеными 66 человѣкъ; но непріятели потеряли гораздо больше,—по словамъ Палицына, приблизительно до 2 тысячъ убитыми и ранеными. Въ этотъ день былъ найденъ и подкопъ непріятельскій: два мужественные крестьянина Клементьевской слободы спустились въ него и зажгли что́ было приготовлено въ немъ для взрыва,

причемъ сами оба погибли; такимъ образомъ подкопъ взорванъ не доведенный вплоть до стѣны. Въ этотъ же день захвачена отъ враговъ добыча: восемь пищалей полуторныхъ и полковыхъ и много всякаго оружія литовскаго, самопаловъ и рушницъ, копей и оскордовъ, палашей и сабель, пороху, ядеръ и другихъ всякихъ запасовъ: что получше внесено было въ городъ; остальное же, что менѣе цѣнно, какъ туры и тарасы, было сожжено за стѣнами. Короче сказать: монастырскіе защитники одержали знатную побѣду надъ врагами, о чемъ и послали „съ сеунчемъ“ въ Москву, къ царю Василію Ивановичу. Архимандритъ Іоасафъ съ братіей воспѣли благодарный молебенъ Богу о такой побѣдѣ, и приказали до поздней ночи торжественно звонить въ монастырскіе колокола (8).

Такъ прошли первыя шесть недѣль осады, наиболѣе стремительной со стороны поляковъ и русскихъ тушинцевъ, наиболѣе безпокойной для монастыря, который былъ постоянно обстрѣливаемъ, къ которому велись подкопы и приступы: монастырь успѣшно мѣрялся со врагами, а наступившая зима принудила ихъ теперь бросить земляныя работы, „рвы и ямы“ подъ монастыремъ, какъ называетъ Палицынъ непріятельскія траншеи: враги отступили отъ стѣнъ, ушли въ свои укрѣпленные лагери или въ таборы. Наступило затишье въ осадѣ; монастырь могъ бы теперь отдохнуть, какъ вдругъ въ немъ самомъ разразилось великое бѣдствіе: въ немъ открылась повальная цынготная болѣзнь!.. Она началась съ 17 ноября, съ Никонова дня. Болѣзнь цынготная—обычная въ сѣверномъ нашемъ климатѣ въ случаяхъ тѣсной осады, происходящая отъ спёртаго воздуха, отъ дурной испорченной воды, отъ дурно отапливаемаго жилища, отъ разныхъ недостатковъ и лишеній, да отъ душевнаго утомленія. Все это какъ разъ было на лицо въ Троицкомъ монастырѣ: правда, хлѣбныхъ запасовъ въ немъ было достаточно для всѣхъ жителей на все время осады; но въ монастырѣ былъ недостатокъ сколько нибудь удобныхъ помѣщеній для пришлаго народа, недостатокъ очень чувствительный дровъ, хорошей воды, также вина и уксусу, важныхъ для здоровья жителей при данныхъ условіяхъ. А главное—эта страшная скученность! Жутко читать въ „Сказаніи“ Авраамія Палицына про эту скученность, про эту крайнюю неопрятность въ тѣснотѣ, въ духотѣ монастырскихъ жилищъ. И вотъ цынга начала косить свои жертвы: она сказывалась опухолью разныхъ частей тѣла да гні-

еніемъ, сопровождалась другими болѣзнями,—головы, желудка и проч. Она стала уносить ежедневно человѣкъ по 20-ть и по 30-ть; потомъ умирало по 50 человѣкъ въ день, иные дни, говорятъ, доходило даже до ста; священники не успѣвали напутствовать умирающихъ, крайне утомлялись отпѣваніемъ покойниковъ; не успѣвали копать могилъ для каждаго умирающаго, да подъ конецъ ужъ не брались копать ихъ ни за какую цѣну: покойниковъ просто складывали въ большія общія ямы. Смерть витала въ воздухѣ смрадномъ, мрачномъ (9)! У защитниковъ монастыря опускались руки: „что дѣлать? Умирать ли отъ язвы, или сдать монастырь непріятелямъ?“ Но всё перенесли, всё вытерпѣли оставшіеся въ живыхъ монастырскіе сидѣльцы, подкрѣпляемые вѣрой. Не разъ преподобный Сергій являлся въ это бѣдственное время то одному, то другому благочестивому человѣку: ободрялъ, утѣшалъ; не разъ даже въ непріятельскомъ лагерѣ видали его, напримѣръ видѣли, какъ однажды ночью, въ особомъ сіяніи, по монастырскимъ стѣнамъ ходили два старца съ крестомъ, со святой водой и кадиломъ: русскіе измѣнники, у кого совѣсть была поживѣе, узнавали въ этихъ старцахъ Сергія и Никона преподобныхъ. Однажды преподобный Никонъ явился одному человѣку и подалъ благой совѣтъ оттирать снѣгомъ заболѣвающихъ цынгой: средство это оказалось дѣйствительнымъ. Къ чести архимандрита Іоасафа и монастырскихъ властей надо сказать, что они употребили всё возможное для облегченія бѣдствія: они истощали лучшій запасъ въ житницахъ и въ погребахъ на продовольствіе заболѣвающихъ. А съ весной, при тепломъ воздухѣ, болѣзнь утратила свою острую силу, потомъ и вовсе прекратилась, унеся впрочемъ большую часть монастырскаго населенія... Побороть стихійную силу,—это было выше человѣческихъ средствъ.

За все время осады осенью и зимой 1608—1609 года монастырскіе сидѣльцы предпринимали небольшими партіями частыя вылазки не столько для того чтобы драться съ непріятелями, сколько для добыванія дровъ, этого предмета первой необходимости для жителей монастыря, дороже хлѣба самаго: хлѣбъ былъ, но въ дровахъ былъ крайній недостатокъ, и ихъ приходилось добывать цѣной крови. Пойдутъ монастырскіе жители осторожно, на всѣ стороны озираясь, по дрова въ Мишутинъ оврагъ, или въ другое мѣсто, пойдутъ въ небольшомъ числѣ, иногда провожаемые воинскими людьми, иногда безъ

нихъ, а враги какъ разъ настигнутъ или подстерегутъ въ засадѣ: начинается драка, послѣ которой иные воротятся раненые съ дровами, либо безъ нихъ; иные останутся убитыми на мѣстѣ, или попадутъ въ плѣнъ, такъ что въ семействахъ, проживающихъ въ осадѣ, начинается горькій плачъ ужъ не о дровахъ, но о потерянныхъ родныхъ. Келарь Палицынъ, можетъ быть со словъ какого нибудь своего корреспондента изъ монастыря, говоритъ объ этихъ обстоятельствахъ именно тономъ причитаній, самыхъ печальныхъ: вотъ-де возвращаются ходившіе по дрова за монастырскую ограду, и вотъ „вкупѣ вношаеми бываютъ дрова и человѣческая глава, покупаются кровію сметіе и хврастіе, коими готовятъ себѣ повседневное ястіе“ и т. п. (10). Послушаемъ, что пишутъ и что чувствуютъ сами сидѣльцы. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ чернецъ житникъ Симеонъ къ келарю Авраамію въ Москву, въ концѣ ноября мѣсяца. „Государю, великому старцу, келарю Аврамью, чернецъ Семіонъ челомъ бью. Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? А про меня пожалуешь—похошь вопросити, и моему окаянству, за молитвъ святыхъ, еще Господь терпитъ. А по грѣхомъ, государь, по своимъ азъ занемогохъ: нога у меня крѣпко больна, запухла добрѣ, и за тою болѣзнью не выхожу изъ кельи недѣли съ три, и ключи житничные отослалъ я къ архимариту, что мнѣ ходить невозможно. Да одноконечно бы тебѣ пожаловать бити челомъ государю, и нужи наши объявити: что было ржи и ячменю, и все то роздали мѣсечникомъ, и тѣснота, государь, у насъ великая хлѣбная и дровяная, и зъ гладу, государь, и съ нужи черные люди помираютъ (11), и по дрова, государь, нынѣ пяди воры выѣхати не дадутъ. Выѣхали, государь, наши люди по дрова сего мѣсеца въ 17 день, и тѣ воры и литовскіе люди мало въ городъ не въѣхали, не много и людей всѣхъ отъ города не отрѣзали, а сами мало въ городъ не въѣхали. И Божіею милостію, и пречистые Богородицы, и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона моленьемъ, воровъ каменьемъ съ города отбили, и они ужъ были у Каличьихъ воротъ, и ворота было отняли. А и стрѣляти, государь, нечѣмъ, зелья не стало, и дровъ нѣтъ: сожгли въ хлѣбнѣ многіе кельи задніе, и сѣни, и чуланы, а нынѣ жжемъ житницы: и ты вѣдаешь и самъ, житницъ на долго ли станетъ? на одинъ монастырскій обиходъ, а на городъ и на всю осаду отнюдь взяти нѣгдѣ! На городѣ на сторожахъ всѣ перезябли, а люди

волостные всѣ наги и босы, которые на стѣнахъ стоятъ"... (12).

А вотъ что говоритъ Ксенія Борисовна Годунова въ письмѣ къ своей тетушкѣ, княгинѣ Ноготковой, отъ 29 марта 1609-го года. „Государынѣ моей свѣту—тетушкѣ, княгинѣ Домнѣ Богдановнѣ, Борисова дочь Ѳедоровича Годунова челомъ бьетъ: буди, государыня, здорова на многіе лѣта, со всѣми своими ближними пріятели. Пожалуй, государыня, пиши ко мнѣ о своемъ здоровьѣ, а мнѣ бы про твое здоровье слышавъ о Господѣ радоватися. А про меня похочешь вѣдати, и я у Живоначальные Троицы въ осадѣ, марта по 29 день, въ своихъ бѣдахъ чуть жива, конечно больна со всѣми старицами, и впредь, государыня, никакого себѣ не чаемъ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая. Да у насъ же, за грѣхъ за нашъ, моровоя повѣтрея: всякихъ людей изняли скорби великія смертныя, на всякій день хоронятъ мертвыхъ человѣкъ по двадцати и по тридцати, и больши; а которые люди посямѣсто ходятъ, и тѣ собою не владѣютъ, всѣ обезножѣли. Да пожалуй отпиши ко мнѣ про Московское житье про все подлинно, а язъ тебѣ, государынѣ, много челомъ бью". (13).

Позволимъ себѣ и еще одно письмо привести здѣсь въ подлинникѣ: всѣ письма такъ интересны, такъ живо и много говорятъ, что не хочется передавать ихъ иными словами, изъ опасенія какъ бы не сгладить своеобразныя выразительныя черты того времени. Вотъ какъ пишетъ служительница Ксеніи Борисовны, Соломонія Ржевская, къ своей матери въ Москву, въ началѣ іюля 1609 года. „Государынѣ моей, свѣту—надежѣ матушкѣ, Ѳеѳанѣ Савиновнѣ дочеришка твоя Соломанида челомъ бьетъ: буди, государыня, спасена и покровена десницею Вышьнего! А пожалуешь, государыня, похошь вѣдать про меня, и я, государыня матушка, жива послѣ Петрова дни недѣлю, а нѣту мнѣ, государыня матушка, здѣся никоторыя нужи, Ольги Борисовны милостью. Да здѣся, государыня матушка, былъ у насъ приступъ къ монастырю, канунъ Петрова дни, и зажигали огненнымъ боемъ; и Божьею милостью и Пресвятыя Троицы, и Сергія чудотворца милостью, ничего не вредили монастыря: зажигали многижда, а гдѣ огнянка ни падетъ, тутъ не загоритца. А приступъ былъ крѣпкой: не бывала, государыня матушка, такая страсть у насъ; а воровъ, государыня ма-

тушка, побили многихъ на приступѣ... Да пожалуй, государыня матушка, вели ко мнѣ отписывать о своемъ здоровьѣ, какъ тебе Богъ милуетъ, а мнѣ, государыня матушка, отъ тебя граматка не бывала отъ великаго мясоѣду и до Петровыхъ заговѣенъ... Да писалъ ко мнѣ, государыня матушка, Макарей Карякинъ, чтобы я къ нему отписала: и ты, государыня, пожалуй скажи Макарью, что Ѳедоръ Карцовъ живъ, а Кашпировъ сынъ Дмитрей умеръ, а мы его и схоронили: Ольга Борисовна пожаловала рубль на похороны денегъ, а то было схоронить нечѣмъ. А моръ, государыня, у насъ унялся, а не осталося людей ни трети" (14).

Такъ просто и спокойно троицкая жительница пишетъ, какъ о будничныхъ, о самыхъ страшныхъ вещахъ!

Были нѣкоторыя тѣневыя стороны въ жизни монастырскихъ сидѣльцевъ. Мы слышали изъ письма Ксеніи Годуновой про „шатость и измѣну великую" межъ осадными людьми; чернецъ Симеонъ также говоритъ про „великія смуты" въ монастырѣ; историкъ осады, Палицынъ, пишетъ про измѣну якобы казначея монастыря Іосифа Дѣвочкина, да еще нѣкоторыхъ дѣтей боярскихъ, даже одного изъ воеводъ, именно Голохвастова. Мы не будемъ теперь останавливаться на этой сторонѣ дѣла; ограничимся небольшими только замѣчаніями. Межъ сидѣльцами монастырскими дѣйствительно возникали по временамъ нелады, споры, нелюбовь: но кто осудилъ бы защитниковъ лавры за ихъ временныя слабости? Примемъ во вниманіе ихъ крайне стѣсненное положеніе, ихъ скученность въ монастырской оградѣ, ихъ напряженное душевное состояніе,—и не будемъ удивляться, что они иногда межъ собою не ладили, что стрѣльцы, напримѣръ, высказывали неудовольствіе на монастырскихъ властей, за то, будто ихъ въ монастырѣ не столь хорошо поятъ и кормятъ; что младшая братія монастыря писала тайныя письма въ Москву также съ выраженіемъ своихъ неудовольствій на старшихъ властей за разные де непорядки, и что даже воеводы межъ собой поразсорились: все это понятно; все это людскія слабости! Подъ вліяніемъ слабости же, да пристрастія, келарь Авраамій оказался не всегда достовѣрнымъ историкомъ, повѣрилъ слухамъ про казначея Іосифа и про воеводу Голохвастова, какъ будто бы не надежныхъ людей: современная историческая критика не считаетъ доказанными эти слухи, эти неопредѣленныя, далеко растяжимыя обвиненія

въ „измѣнѣ“; современная историческая наука знаетъ хорошо о подвигахъ монастырскихъ защитниковъ, по справедливости болѣе цѣнитъ и выставляетъ на передній планъ эти подвиги, а не то что составляетъ тѣневую сторону внутренней жизни славныхъ монастырскихъ сидѣльцевъ (15).

Докончимъ нашъ разсказъ объ осадѣ лавры. Мы уже видѣли, что непріятели, и послѣ того какъ они отступили отъ монастырскихъ стѣнъ въ укрѣпленные свои таборы, продолжали всячески стѣснять лавру: все время они облежали ее, хотя не всегда одинаково тѣсно. Вокругъ монастыря по всѣмъ дорогамъ были разставлены сторожа, рыскали разъѣзды, смотрѣвшіе за всѣми входами и выходами изъ монастыря; сидѣльцамъ приходилось брать съ бою каждую вязанку дровъ, каждый возъ сѣна; ихъ сношенія съ Москвою чрезъ смѣлыхъ нѣкоторыхъ „сходниковъ“ (16) были очень затруднены, хотя не были совершенно прерваны. Въ февралѣ 1609 года царь Василій Ивановичъ отправилъ въ помочь осажденнымъ 60 человѣкъ козаковъ, подъ начальствомъ атамана Останкова, да съ ними 20 пудовъ пороху; съ своей стороны келарь Палицынъ прибавилъ къ царскимъ людямъ 20 человѣкъ монастырскихъ слугъ. Этотъ маленькій отрядъ благополучно прошелъ въ лавру, и только четверо козаковъ попали въ плѣнъ Лисовскому, который приказалъ тогда же предать ихъ казни, повѣсить на глазахъ монастырскихъ сидѣльцевъ. За эту жестокость воеводы Долгорукій и Голохвастовъ отплатили врагамъ гораздо большей жестокостью, позволили себѣ увлечься мщеніемъ: приказали повѣсить въ одномъ мѣстѣ 42-хъ литовскихъ полоняниковъ, да въ другомъ—19 человѣкъ, на глазахъ также непріятелей: жестокость крайняя и воеводъ недостойная, показывающая впрочемъ, какъ велико было общее озлобленіе на Лисовскаго, этого дѣйствительно разбойническаго атамана. По этому случаю въ самомъ непріятельскомъ таборѣ произошло сильное движеніе: многіе козаки обвиняли Лисовскаго, какъ виновника всего этого приключенья, и требовали казни его самого; но Сапѣга вступился за товарища, не далъ его въ обиду подчиненнымъ. Послѣ того Лисовскій продолжалъ сурово драться съ монастырскими защитниками, какъ и раньше дрался, не разъ получалъ раны въ схваткахъ съ ними, потерпѣлъ, по замѣчанію новаго польскаго историка, подъ однимъ только Троицкимъ монастыремъ больше, чѣмъ во всѣхъ обширныхъ областяхъ и го-

Библиотека Православной Духовной Академіи Инв. № 31602

родахъ русскихъ, имъ раззореныхъ; въ одной битвѣ подъ Троицей онъ потерялъ убитымъ и своего брата Станислава (17).

Мая 27 дня 1609 г. непріятели, послѣ долгихъ приготовленій, сдѣлали новый приступъ на монастырскія стѣны, „второй большой приступъ“, по счету Палицына, но потерпѣли полную неудачу, какъ и на первомъ приступѣ, на 14-е октября прошлаго года. Оставшіеся въ живыхъ сидѣльцы съ мужествомъ отчаянія встрѣтили враговъ: не давали имъ придвинуть къ стѣнамъ тарасовъ, щитовъ и лѣстницъ, стрѣляли по нимъ изъ подошвеннаго боя, кололи ихъ копьями изъ оконъ, бросали имъ на головы каменья, сыпали въ глаза известь, лили горячую воду, растопленную смолу и т. под. Кончилось послѣ ночнаго приступа тѣмъ, что враги со стыдомъ отступили, оставя у стѣнъ приступныя „козни“, то есть лѣстницы, тарасы и проч., а сидѣльцы тотчасъ вышли изъ города и забрали всѣ оставленныя вещи, равно тѣхъ изъ непріятелей, которые нашлись у машинъ, или во рвахъ и ямахъ (18). Можно себѣ представить озлобленіе враговъ послѣ неудачи! Съ горячностью они снова стали готовиться къ приступу: надо-дескать было загладить стыдъ; надо было спѣшить покончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ до прихода князя Скопина-Шуйскаго, который со шведскимъ наемнымъ отрядомъ подвигался изъ Новгорода къ Твери, а потомъ имѣлъ идти подъ Москву: было бы очень важно взять монастырь до его прихода и засѣсть въ немъ. 28 іюня Сапѣга назначилъ новый приступъ: со всѣхъ сторонъ непріятели пошли къ стѣнамъ монастыря,—и опять съ урономъ были отбиты (19). „Третій большой приступъ“, по счету келаря Палицына, онъ же и послѣдній, былъ 31 іюля, на этотъ разъ съ участіемъ въ немъ еще одного вновь прибывшаго подъ монастырь тушинскаго пана, по фамиліи Зборовскаго. Новопріѣзжій панъ подтрунивалъ надъ Сапѣгою и Лисовскимъ: столько-де времени стоятъ, и не могутъ взять какого-то „лукошка!“ Тушинскій панъ намекалъ также на нерадѣніе и неискусство Сапѣгина войска, „сбитой черни“, т. е. сброда-дескать всякаго; въ этомъ случаѣ Зборовскій выражалъ мнѣніе о Сапѣгинѣ войскѣ тушинскаго лагеря: тамъ вообще были недовольны на Сапѣгу. Тушинскій Лжедимитрій не разъ писалъ лѣтомъ этого года своему наемному гетману, чтобы онъ не тратилъ даромъ времени на осаду и штурмы „курятника“ (вотъ еще презрительное слово на языкѣ враговъ про Сергіевъ монастырь), а

шелъ бы на соединеніе съ тушинскимъ лагеремъ, или же прямо на встрѣчу къ князю Шуйскому (20); но Сапѣга не обращалъ надлежащаго вниманія на требованія царика, стоялъ подъ монастыремъ, очевидно на немъ сосредоточа все свое вниманіе. Итакъ, по общему совѣту поляковъ и тушинцевъ, въ томъ числѣ Михаила Салтыкова и Ивана Грамотина, къ этому времени пріѣхавшихъ сюда, рѣшено было сдѣлать еще приступъ: найдено полезнымъ чернь отпустить, напасть на монастырь съ отборными силами, и притомъ поздней ночью, на сонныхъ. Кстати—и пану Зборовскому теперь представлялся случай отличиться. Моментъ въ исторіи осады критическій: въ монастырѣ оставалось, по словамъ Палицына, не болѣе 200 защитниковъ, а непріятели усиленно стараются кончить дѣло до прихода подкрѣпленій монастырю, о коихъ писалъ весной въ разные города царь Василій Ивановичъ (21). Но и послѣдній приступъ 31 іюля былъ отбитъ, при благодатной помощи преподобнаго Сергія, съ большимъ урономъ со стороны непріятелей, и почти безъ всякихъ потерь со стороны сидѣльцевъ: убита на городской стѣнѣ только одна женщина! Зборовскій плакалъ съ досады, да отъ насмѣшекъ Сапѣги и Лисовскаго: „что же, панъ Зборовскій, вы не одолѣли лукошка?.“ (22). Вскорѣ всѣ три пана выступили противъ Скопина-Шуйскаго къ Волгѣ, но потерпѣли отъ него пораженіе у Колязина монастыря: Сапѣга обратно воротился подъ Троицкій монастырь, захвативъ на пути въ селахъ и деревняхъ много разнаго скота на продовольствіе своихъ; однако часть этого скота досталась и монастырскимъ сидѣльцамъ: въ самый праздникъ Успенія Богоматери они сдѣлали вылазку, побили пастуховъ одного стада, которое паслось подъ монастыремъ, и загнали скотъ въ монастырскую ограду.

√Послѣдніе пять мѣсяцевъ осады были для монастыря несравненно уже легче предыдущаго времени: сидѣльцы воспрянули духомъ послѣ своихъ удачныхъ дѣйствій, при помощи преподобнаго Сергія; они знали про удачный походъ князя Скопина Шуйскаго, про его приближеніе къ Москвѣ, надѣялись на его помощь. Въ началѣ сентября Скопинъ Шуйскій занялъ Переславль, въ концѣ того же мѣсяца — Александровъ; сюда было выступилъ на него Сапѣга, но потерпя отъ него пораженіе воротился обратно къ Троицѣ; вслѣдъ за нимъ пошелъ отрядъ Давида Жеребцова, уже отличившагося взятіемъ отъ непріятелей Костромскаго Ипатскаго монастыря: отрядъ въ 900 человѣкъ,

отправленный съ нимъ отъ князя Михаила Васильевича, безпрепятственно вступилъ въ лавру и сразу весьма усилилъ ее. Теперь непріятели, не разъ уже побитые, упавшіе духомъ отъ неудачъ, не отважились больше на приступъ къ монастырю; тѣмъ смѣлѣе монастырскіе люди ходили на вылазки (23). Въ началѣ генваря 1610 года прибыла еще помочь монастырю отъ Скопина-Шуйскаго: дворянинъ Григорій Валуевъ привелъ отрядъ въ 500 человѣкъ; съ нимъ соединился Давыдъ Жеребцовъ съ монастырскими защитниками, и оба вмѣстѣ 4 генваря вступили въ битву съ непріятелями: то была послѣдняя здѣсь битва довольно упорная; наши сожгли часть таборовъ непріятельскихъ; черезъ недѣлю, 12 генваря 1610 года, Сапѣга и совсѣмъ бросилъ свои таборы, отступилъ къ Дмитрову: онъ не посмѣлъ оставаться дальше подъ Троицей, дожидаться прихода самого Скопина-Шуйскаго.

Такъ кончилась осада лавры, вѣчно славная для ея защитниковъ! Недѣлю спустя по уходѣ непріятелей, монастырь отправилъ одного изъ иноковъ къ царю Василію Ивановичу со святою водой, съ увѣдомленіемъ, что монастырь освободился (24.)

Эта защита сослужила свою важную службу общему дѣлу. Она придала духа русскимъ людямъ въ пору ихъ колебаній да сомнѣній; она показала наглядно, что могутъ сдѣлать люди, когда они придутъ въ разумъ и соединеніе подъ общимъ святымъ знаменемъ, и когда укрѣпятся сознаніемъ долга передъ Богомъ и предъ законною властью.

На этомъ однако не кончились ни бѣдствія земли Русской, ни услуги лавры общему дѣлу, при благодатной помощи преподобнаго Сергія. Впереди предстояло еще три года бѣдствій смутнаго и безгосударнаго времени. Неожиданно, въ цвѣтѣ лѣтъ и славы, скончался воевода Михаилъ Васильичъ Скопинъ-Шуйскій; потерялъ престолъ царь Василій Ивановичъ и постриженный увезенъ плѣнникомъ въ непріятельскую страну; наступило междуцарствіе, затѣмъ выборы королевича Владислава царемъ, которые ни къ чему годному не привели, а только пуще усилили вражду обоихъ государствъ; поляки засѣли въ Кремлѣ, а потомъ сожгли посады московскіе; первое ополченіе земское подъ начальствомъ Прокофія Ляпунова не достигло своей цѣли, не успѣло освободить Москвы отъ поляковъ; самозванцы продолжали являться и мутить; внѣшніе непріятели пользовались нашею внутреннею бѣдой, забирали себѣ наши

города: палъ въ польскія руки Смоленскъ послѣ защиты еще болѣе продолжительной и грандіозной, чѣмъ Троицкая; Новгородъ Великій достался шведамъ; Астрахань грозили отнять въ сторону шаха персидскаго. Бѣдствія земли достигли до крайнихъ предѣловъ. Но въ эту самую пору въ Нижнемъ Новгородѣ стало собираться второе земское ополченіе, которое достигло цѣли своей: оно находилось въ твердыхъ, искусныхъ рукахъ Пожарскаго и Минина; чѣмъ дальше тѣмъ больше оно возрастало въ числѣ, укрѣплялось въ сознаніи важности предпринятаго дѣла и во внутреннемъ устройствѣ своемъ. Троицкая Сергіева Лавра принимала свою долю полезнаго, добраго участія въ событіяхъ и этого времени 1610—12 годовъ. Извѣстно, что нижегородское ополченіе собралось отчасти подъ вліяніемъ троицкихъ грамотъ, призывавшихъ всю землю на освобожденіе Москвы, писанныхъ отъ имени архимандрита Діонисія да келаря Аврамія Палицына; менѣе извѣстно то чудесное событіе въ жизни Минина, о которомъ онъ самъ разсказывалъ архимандриту Діонисію по приходѣ ополченія къ Троицкому монастырю. По словамъ Козьмы Минина, ему не однажды было внушеніе во снѣ отъ преподобнаго Сергія собирать средства на земское ополченіе; когда же Мининъ колебался внутренно и недоумѣвалъ о такомъ важномъ дѣлѣ, преподобный Сергій въ третій разъ ему во снѣ явился и сказалъ „съ прещеніемъ“, то есть строго, внушительно: „не рѣхъ ли ти о семъ? понеже изволеніе праведныхъ судебъ Божіихъ помиловати православныхъ христіанъ, и отъ многаго мятежа въ тишину привести; сего ради рѣхъ ти казну собрати и ратныхъ людей надѣлити, да очистятъ съ Божіею помощью Московское государство отъ безбожныхъ поляковъ и прогонятъ еретиковъ.“ Послѣ этого явленія Мининъ считалъ уже грѣхомъ колебаться; избранный вскорѣ земскимъ старостой въ своемъ нижегородскомъ посадѣ и уѣздѣ, онъ, по приходѣ троицкой грамоты, повелъ свою знаменитую рѣчь къ нижегородцамъ въ томъ смыслѣ, что ничего не должно щадить на общее земское дѣло, т. е. прежде всего на очищеніе отъ поляковъ города Москвы (25). Такъ повѣдалъ Кузьма Миничъ преподобному Діонисію, архимандриту троицкому, о началѣ нижегородскаго предпріятія, въ духѣ раскаянія за свою лично медлительность въ семъ дѣлѣ, за которую, по его словамъ, онъ и претерпѣлъ „чревную болѣзнь“, но отъ которой исцѣлился по молитвѣ того же пре-

подобнаго Сергія. Наконецъ ополченіе приблизилось къ самой цѣли, къ Москвѣ, въ августѣ 1612 года. Оно стало наступать на непріятелей въ Кремлѣ, все больше стѣсняло ихъ, отбивало и тѣхъ, которые шли на помощь своимъ. Но вотъ опять бѣда: межъ самими русскими людьми не было нужнаго согласія въ это рѣшительное время. Два войска стояли подъ Москвой въ особыхъ лагеряхъ: одно подъ начальствомъ боярина князя Трубецкаго, въ составѣ своемъ заключавшее много казаковъ, да тушинцевъ, а другое войско земское подъ начальствомъ князя Пожарскаго; казаки недружелюбно смотрѣли на дворянъ и земскихъ ратниковъ, завидовали имъ, что они лучше козаковъ одѣты, обуты и содержимы; они не хотѣли биться съ польскими отрядами иначе, какъ если имъ дадутъ такое же содержаніе, какъ ополченцамъ Пожарскаго. Тогда троицкія власти, архимандритъ, келарь, а также Кузьма Мининъ, начинаютъ именемъ Сергія упрашивать козаковъ дѣйствовать единодушно съ земскими людьми, посулили имъ вмѣсто жалованья уплатить нѣкоторыми вещами изъ монастырской ризницы; благодаря этимъ стараніямъ, межъ „козацкимъ войскомъ и дворянскимъ“ стало больше согласія, послѣдовалъ и большій успѣхъ дѣла: 22 октября поляки выбиты изъ Китай-города; чрезъ мѣсяцъ отъ нихъ очистили Кремль. Исполняя обѣщаніе, троицкія власти доставили казакамъ нѣсколько дорогихъ вещей изъ ризницы: серебряныхъ сосудовъ, облаченій, пеленъ, низанныхъ жемчугомъ и т. п. Но казаки отказались отъ предложенія, посовѣстились взять. Въ своихъ стѣнахъ лавра въ эту пору очень много благотворила; какъ во время осады въ ней нашли пріютъ и прокормленіе много людей, такъ и по снятіи осады, при бѣдствіяхъ все еще кипѣвшей смуты, при раззореньѣ отъ поляковъ, козаковъ, кои оказывались еще „грубнѣе“ поляковъ самыхъ, да отъ своихъ же лихихъ людей, въ Троицкій монастырь отовсюду стекались разные несчастные люди: голодающіе, раззоренные, больные, увѣчные; сердобольный архимандритъ Діонисій давалъ всѣмъ пріютъ и помощь, самъ плакалъ глядя на несчастныхъ и старался отереть слезы каждаго изъ нихъ. Онъ распорядился строить на монастырскую казну странноприимные дома, больницы, жилыя избы около монастыря, убогіе дома для погребенія многочисленныхъ покойниковъ, безвѣстныхъ, безымянныхъ, поверженныя тѣла коихъ были отыскиваемы по порученію архимандрита, въ окрестностяхъ лавры, по дорогамъ, да въ лѣсахъ и

оврагахъ, и всѣ были предаваемы христіанскому погребенію (**26**). Такъ дѣйствовалъ троицкій архимандритъ, преподобный Діонисій, истинный подражатель смиреннаго, любвеобильнаго Сергія; монастырь дѣйствительно обратился тогда „въ больницу и богадѣльню“, по выраженію историка.

„Безцарственны, грозны прошли времена,
„Судья надъ землею былъ снова“.

Былъ избранъ излюбленный всею землей государь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; было сдѣлано главное дѣло, т. е. возстановлена царская власть въ полной ея силѣ и во всемъ прежнемъ объемѣ (**27**). Всё прочее также стало приходить въ порядокъ, всѣ раны государственныя начали постепенно заживать. Пусть польскій королевичъ Владиславъ не покидалъ своихъ притязаній на московскій престолъ; пусть онъ выступалъ въ походъ на Россію, дѣлалъ приступъ къ самой Москвѣ (1 октября 1618 года); но онъ потерпѣлъ здѣсь полную неудачу и отбитый ушолъ подъ Троицкій монастырь, гдѣ также неимѣлъ никакой выгоды: на требованіе сдачи монастырскія власти отвѣчали выстрѣлами; на приступъ же поляки не рѣшились идти. Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ уполномоченные съѣзжались для переговоровъ о мирѣ, который и былъ заключенъ 1 декабря 1618 года въ деревнѣ Деулинѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Троицы—Сергія. Благочестивая мысль русскихъ людей относила успѣхъ мирныхъ переговоровъ къ молитвамъ преподобнаго Сергія: на память совершеннаго мира, въ Деулинѣ была поставлена черезъ годъ церковь во имя его, доселѣ существующая (**28**).

Уповаемъ съ Церковію, что преподобный Сергій и всегда будетъ теплымъ молитвенникомъ за наше Русское отечество, благотворителемъ ему, миротворцемъ и защитникомъ.

Примѣчанія.

1) Книга о чудесахъ преп. Сергія, твореніе Симона Азарьина. Сообщ. С. Ѳ. Платоновъ, Спб. 1888. (Чудо 3-е. О гласѣ бывшемъ къ ключарю Ивану т. е. Насѣдкѣ, который послѣ самъ разсказывалъ келарю Азарьину о своихъ сомнѣніяхъ и о своемъ вразумленіи; смотр. ближе стр. 24).

2) Въ 1570 году княгиня Телятевская, урожденная Тушина, отдала въ Троицкій Сергіевъ монастырь, на поминовеніе отца Θед. Мих. Тушина и брата, свое родовое село Тушино, и въ немъ монастырь Преображенскій на рѣкѣ Всходнѣ: Историч. Описаніе Св. Троицк. Серг. Лавры, составл. Горскимъ, съ приложеніями архим. Леонида, изд. 1879, Москва; на стр. 181; срав. во 2-й части стр. 51.

3) Что касается нравственнаго вліянія отъ взятія Троицкаго монастыря, на которое могли разсчитывать тушинскій Лжедимитрій и Сапѣга, то трудно сказать, какъ именно они разсчитывали, и сбылись ли бы на дѣлѣ ихъ разсчеты: могло случиться совсѣмъ на оборотъ и вопреки ихъ разсчетамъ т. е. взятіе монастыря могло произвести въ Руси впечатлѣніе совсѣмъ не въ пользу Лжедимитрія и поляковъ. Впроч. пусть читатель сравнитъ сужденія по этому предмету Голохвастова („Москвитянинъ“ 1842, № 6, стр. 276), Костомарова (Смутное время, II, стр. 169—170), и г. Голубинскаго (Препод. Сергій Радонежскій, стран. 296).

4) О состояніи монастырскихъ стѣнъ и башень по даннымъ описи 1641-43 годовъ смотр. у Горскаго, Историч. Опис. Лавры, на стр. 8—11, и на стр. 127—128, въ особенности же обстоятельно въ юбилейномъ изданіи г. Голубинскаго, Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра, въ главѣ II-й. Опись, по царскому порученію, производилъ окольничій Θед. Вас. *Волынскій*, а не Θ. В. Волконскій: Книга чудесъ преп. Сергія, стр. 61 и примѣч. на той же страницѣ ученаго издателя.

О старицѣ-королевѣ Маринѣ Владиміровнѣ чей-то безымянный доносъ изъ монастыря, кажется безосновательный, смотр. въ Акт. Истор. II, стр. 286, и примѣчаніе подъ № 40; Горскій, Историч. опис. Лавры, стр. 88—90; 94.

О Ксеніи-Ольгѣ Бор. Годуновой- Акт. Истор. II, стр. 212—213, и примѣч. подъ № 34; Горскій, Истор. опис. стр. 90.

О значеніи монастырей въ Московск. государствѣ XVII-го вѣка, какъ крѣпостей, смотр. у Котошихина, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр, 106, по 2-му изданію.

5) Митрополитъ Платонъ опредѣляетъ число осажденныхъ вмѣстѣ съ женами и съ дѣтьми „до пятнадцати тысячъ человѣкъ“, но не приводитъ основаній для такого предположенія. (Краткая церковн. Россійск. исторія, томъ II, стр. 195. Москв.

6) Вотъ нѣкоторыя данныя: отъ плѣнныхъ непріятелей, въ октябрѣ 1608 года, въ монастырѣ было узнано, что всего войска съ Сапѣгою и Лисовскимъ было „до тридцати тысячъ, кромѣ черни и полоненниковъ". (Сказаніе Аврамія Палицына, стран. 99. по издан. 1822 г.). Такъ (приблизительно, конечно) опредѣляли взятые въ плѣнъ польскіе паны число войска своихъ главныхъ вождей. Боярскій сынъ Андрей Палицынъ, служившій Лжедимитрію, а потомъ взятый въ плѣнъ въ Тотьмѣ показывалъ, въ декабрѣ 1608 г., что „подъ Троицею стоитъ Сопѣгинъ племянникъ Сопѣга, а людей съ нимъ всякихъ тысячей съ десять". (Акт. Археограф. Экспед. II, стр. 186: показаніе-также приблизительно только опредѣляющее цифру сапѣжинцевъ). Въ мартѣ 1609 года выходцы изъ Тушинскаго и Троицкаго лагерей свидѣтельствовали: „а людей подъ тымъ монастыремъ двадцать тысячей и полторы тысячи". (Акт. Историч. II, стр. 201). Итакъ показанія разногласятъ. Да и на самомъ дѣлѣ, въ разное время количество осаждающихъ измѣнялось, то уменьшалось, то снова увеличивалось. Одни уходили изъ лагеря въ окрестные города и уѣзды на добываньe продовольствія, или на квартированье тамъ, или на войну; другіе уходили вовсё, оставляли таборы на всегда. Такъ напр. Лисовскій не одинъ разъ уходилъ изъ-подъ Троицы въ разныя мѣста, по порученію Сапѣги и Лжедимитрія, и снова возвращался подъ монастырь: Акт. Истор. II, №№ 163—165; 171; 195 и другіе. Козачьи атаманы Степанъ Епифанецъ и Андрей Болдырь, люди какъ видно получше, посовѣстливѣе, не захотѣли служить злому дѣлу, и добровольно ушли изъ-подъ монастыря: Сказаніе Авр. Палицына, стр. 107—108; 180—182. Интересны также показанія плѣннаго пана Маковскаго о состояніи непріятельскаго лагеря въ мартѣ 1609 года: Ак. Истор. II, стр. 211. Весной этого года непріятельскій лагерь сталъ пополняться: онъ готовился предпринять нѣсколько новыхъ приступовъ къ монастырю; но къ концу лѣта и осенью лагерь опять сталъ рѣдѣть, постепенно распадаться, въ-виду движенія князя М. В. Скопина Шуйскаго.

7) Главный источникъ для исторіи осады Троицкой Лавры есть „Сказаніе" Аврамія Палицына, въ главахъ 7—57, то есть въ наибольшей части книги, у послѣдующихъ писателей такъ и называвшейся „книга осаднаго сидѣнія", или „осадная книга", „исторія большая", и просто „исторія". (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 6 и 8; Канонъ преп. Діонисію съ присовокупленіемъ

житія его, стр. 44 (по изданію 1817 года); Русск. Историч. Библіотека, томъ XIII, стр. 932). Сказаніе Палицына въ цѣломъ составѣ его и по частямъ дошло до насъ во многихъ спискахъ; было дважды издано печатно: въ 1784 и 1822 г. въ Синодальной типографіи. Какъ оно авторомъ составлялось, о томъ даются нѣкоторыя указанія въ немъ самомъ. Въ 27-й главѣ, разсказавъ о чудесномъ знаменіи, видѣнномъ въ непріятельскомъ лагерѣ и истолкованномъ отъ казацкаго атамана Епифанца, Палицынъ добавляетъ: „о семъ же знаменіи и о Стефанѣ Епифанцѣ атаманѣ принесоша ми писаньице оставшіися иноцы во обители чудотворца, ово же словомъ повѣдающе ми о семъ; азъ же и сія повелѣхъ здѣ написати“ (Сказ. стр. 108). Въ другомъ мѣстѣ, сказавъ о событіяхъ дня 8 ноября, сопровождавшихся также знаменіями для благочестивыхъ людей, Палицинъ ссылается опять на принесенное ему письменное извѣстіе: „принесе ми о семъ писаніе діаконъ Маркеллъ ризничей; азъ же, исправивъ сіе, повелѣхъ написати“: Сказ. стр. 114. Какъ понять эти мѣста у нашего автора? Кому онъ велѣлъ вписывать сообщаемыя ему записки, и въ какую книгу, и въ какое время? По видимому, въ монастырѣ послѣ осады была заведена книга для вписыванія въ нее разныхъ свѣдѣній объ осадѣ, по мѣрѣ полученія ихъ, при чемъ былъ назначенъ писецъ особый, а главнымъ редакторомъ и авторомъ былъ келарь Палицынъ, самъ много знавшій объ осадѣ, хотя жившій во время ея не въ монастырѣ, а въ Москвѣ: ибо онъ былъ въ перепискѣ съ разными монастырскими сидѣльцами, начиная съ воеводы князя Долгорукаго; онъ самъ говоритъ про отписки изъ-обители „и про свои грамоты“, туда посыланныя: Сказ. стр. 124, 154; 169; 188. (Ниже будутъ указаны нѣкоторые акты, говорящіе о перепискѣ монастырскихъ сидѣльцевъ какъ съ келаремъ, такъ и съ другими лицами: многое изъ этой переписки было перехвачено непріятелями, не дошло по назначенію; но многое и дошло). Итакъ сказаніе Палицина, или говоря еще ближе, по тогдашнему, книга осаднаго сидѣнія„ иначе и болѣе обще „исторія большая, писанная у Живоначальныя Троицы о разореніи Московскомъ“, по выраженію Іоанна Насѣдки, есть монастырская исторія, постепенно составлявшаяся, и не однимъ только келаремъ Палицынымъ, хотя въ окончательной редакціи получившая яркій отпечатокъ личности Аврамія Палицына, больше чѣмъ другой кто нибудь вписавшаго въ эту книгу: эта книга—плодъ его авторства въ

наибольшей части. Въ послѣсловіи одного списка „Сказанія“ значится, что оно окончательно редактировано въ 1620 году: „послѣдовася и исправися книга сія, глаголемая исторія вкратцѣ [1]), въ лѣто 7128-е“. Выходитъ, что эта книга—пересмотрѣнная и обдуманная авторомъ. Она содержитъ рядъ эпизодическихъ, отрывочныхъ разсказовъ объ осадѣ; она не даетъ ясной перспективы, яснаго представленія о ходѣ осады; она не вездѣ точна и не всегда безпристрастна. При всемъ томъ однако книга Палицына одна изъ важнѣйшихъ по исторіи смутнаго времени вообще и главный источникъ для исторіи Троицкаго монастыря за то время въ частности: безъ нея мы очень мало знали бы про осаду монастыря 1608—1610 годовъ.

Дополненіемъ къ ней служатъ не многіе, но важные акты. Существенно дополняетъ ее, напримѣръ, „выпись вылазкамъ изъ монастыря на воровъ“, за пять мѣсяцевъ, именно съ октября 1608 г. по мартъ 1609 года, родъ краткаго журнала. (Акт. Истор. II, стр. 211—212). Выраженіе „выпись“ даетъ основаніе полагать, что она есть сокращенное изложеніе или извлеченіе изъ болѣе обширной записи. Необходимо предполагать, что осадные воеводы вели въ монастырѣ нѣчто въ родѣ разрядной книги, или же иной записи военныхъ дѣйствій: они вѣдь были обязаны отчетомъ о своихъ распоряженіяхъ, о своей службѣ. Далѣе: вѣроятно предполагать, что келарь Палицынъ пользовался какой нибудь уже готовой записью, (книгою ли военныхъ дѣйствій, или отдѣльными отписками воеводъ въ Москву, къ царю Василію Ивановичу), когда описывалъ подробно нѣкоторыя вылазки и сраженія монастырскихъ сидѣльцевъ, съ приведеніемъ точныхъ данныхъ топографическихъ и статистическихъ: гдѣ и какъ сражались, сколько побито, сколько ранено и т. п. По всей вѣроятности, это написано авторомъ по сообщеннымъ ему готовымъ записямъ о военныхъ дѣйствіяхъ.

Такъ представляемъ мы себѣ источники и способъ составленія „Сказанія“. По внѣшней своей формѣ, по расположенію матеріи въ отдѣльныхъ краткихъ главахъ, Сказаніе есть монастырская книга, близко напоминающая, напримѣръ, Житіе преподобнаго Сергія и похвальное ему слово, написан-

---

[1]) Заглавія: «исторія большая» и «исторія вкратцѣ», для одной и той же книги употребляемыя, указываютъ, что эта книга была въ разныхъ редакціяхъ, то болѣе полной, то сокращенной.

ныя Епифаніемъ премудрымъ въ XV вѣкѣ, или еще ближе—Книгу о чудесахъ преподобнаго Сергія, твореніе келаря позднѣйшаго времени, Симона Азарьина. Да и по идеѣ,—что́ еще важнѣе—„Сказаніе“ Палицына есть книга какъ разъ имъ соотвѣтствующая: ибо и Сказаніе Палицына имѣетъ цѣлью повѣдать о чудесахъ преподобнаго Сергія, прославить его чудесную помощь монастырю во время осады. Это—основная мысль книги, всюду проникающая ее. Этою мыслью опредѣляется характеръ изложенія и подборъ извѣстій въ книгѣ: по характеру, по тону изложенія она—нравоучительное, назидательное сочиненіе въ память преподобнаго Сергія, на половину проповѣдь, на половину разсказъ о событіяхъ съ чудеснымъ колоритомъ. И не одинъ Палицынъ, писавшій о своей обители, вспомогаемой ея святымъ основателемъ и чудотворцемъ, писалъ въ такомъ тонѣ: почти всѣ писатели о смутномъ времени такъ же повѣствовали о немъ, то есть высокимъ тономъ проповѣдниковъ, призывающихъ къ покаянію: это—основной тонъ сказателей о томъ времени, показывающій серьёзное настроеніе ихъ, но значительно не выгодный для исторіи, ибо современный историкъ желалъ бы отъ нихъ больше точныхъ и отчетливыхъ свѣдѣній. Палицынъ въ частности,—возвращаемся къ нему—при его высокомъ положеніи въ монастырѣ въ должности келаря, при его опытности житейской и обширномъ знакомствѣ со многими людьми разныхъ званій, при освѣдомленіяхъ для себя, постоянно изъ монастыря получаемыхъ, могъ бы написать исторію осады гораздо больше фактическую и больше историчную, такъ сказать; но онъ предпочелъ употребить свой авторскій талантъ на краснорѣчивую проповѣдь и похвалу въ честь преподобнаго Сергія. Таковъ его вкусъ и настроеніе. Ближе разсматриваемый какъ человѣкъ, Авраамій Палицынъ, былъ набоженъ и уменъ, но притомъ еще очень гибокъ и уклончивъ, что́ отразилось также въ его Сказаніи: у него есть рѣчи слишкомъ растяжимыя, общія; есть неопредѣленные намеки на кого-то и на что-то; иногда онъ скрываетъ свою мысль въ широковѣщательной фразѣ, либо въ рѣзкой выходкѣ сердитаго проповѣдника. При всемъ томъ однако книга Палицына, повторяемъ, есть важный историческій источникъ и въ отношеніи заключающихся въ ней свѣдѣній объ осадѣ монастыря, о внутреннемъ его состояніи, о подвигахъ монастырскихъ сидѣльцевъ—воинскихъ людей, иноковъ и слугъ монастырскихъ, съ

приведеніемъ болѣе или менѣе точныхъ данныхъ хронологическихъ, статистическихъ, топографическихъ: иныя подробности у него какъ нельзя больше точны; иныя же требуютъ провѣрки, дополненій и объясненій.

Еще замѣчаніе—объ отношеніи книги келаря Палицына къ другимъ сочиненіямъ о смутномъ времени или о дѣятеляхъ того времени. 51-я глава ея, „о бою со княземъ Михайломъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ“, т. е. о битвѣ у Колязина монастыря почти буквально сходна съ описаніемъ той же битвы въ „Сказаніи о рожденіи князя Михаила Васильевича“ (Изборникъ изъ хронографовъ... А. Н. Попова, стр. 382; сказ. Палиц. стран. 190—193). Оказывается, что неизвѣстный повѣствователь о Скопинѣ Шуйскомъ заимствовалъ это описаніе у Палицына. Труднѣе объяснить, почему Авраамій Палицынъ, писатель плодовитый словомъ и знающій, самъ заимствовалъ буквально немногія впрочемъ строки изъ повѣсти 1606 года объ избраніи царя Бориса Ѳедоровича Годунова: хотѣлъ ли онъ привести въ согласіе свой разсказъ съ повѣстью 1606 года, писанною въ Троицкомъ же монастырѣ? Или же Авраамій Палицынъ былъ авторомъ и той повѣсти? Вотъ частные, но небезъинтересные вопросы, требующіе разслѣдованія. Сравн. Сказан. Палиц. стран. 7, и „Иное сказаніе о самозванцахъ“, во главѣ котораго находится повѣсть 1606 года, во Временникѣ Об. И. и Д. XVI, стр. 7 и 9; сравн. также замѣчаніе С. Ѳ. Платонова, Древнерус. сказ. и пов. о смутн. врем. на стр. 180; у того же автора прекрасной книги много цѣнныхъ примѣчаній о Палицынѣ, на стр. 168—180. Какъ извѣстно, Сказаніе Палицына и „Иное сказаніе“, такъ называемое, въ старыхъ сборникахъ помѣщались рядомъ такимъ образомъ, что сначала было сочиненіе Палицына, а потомъ—Иное сказаніе; но въ иныхъ сборникахъ на оборотъ: сначала сказаніе неизвѣстнаго, а потомъ сказаніе Палицына (Платоновъ, Древнер. сказ. и пов. стр. 1—2; „Временникъ“ XVI, Матеріалы, I—VI, 1—146, гдѣ даны образцы „Иного сказанія“ послѣ и впередъ „Сказанія Палицына). Видно, что и въ XVII вѣкѣ предполагали близкую связь обоихъ сочиненій, можетъ быть приписывали ихъ одному автору; во всякомъ случаѣ переписывали ихъ вмѣстѣ, какъ два троицкія монастырскія произведенія. Въ настоящее время было бы желательно научное разслѣдованіе о лѣтописательской и вообще литтературной дѣя-

тельности братіи Троицкаго монастыря въ XVII вѣкѣ; этотъ вопросъ стóитъ разслѣдованія: монастырь писалъ не мало, настраивалъ общественное мнѣніе и установлялъ историческіе взгляды, или старался установлять ихъ.

Новые историки осады Троицкаго монастыря, они же при этомъ критики въ той или другой мѣрѣ Сказанія Палицына, не малочисленны: по Палицыну и о немъ самомъ писали у насъ не мало. Въ журналѣ Погодина, „Москвитянинѣ“ за 1842 г., въ №№ 6 и 7 появились „Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры 1608—1610 г. и описаніи оной историками XVII, XVIII и XIX столѣтій“, очень важныя, дѣльныя замѣчанія, принадлежавшія Д. П. Голохвастову, серьезному знатоку Русской исторіи. На нихъ слѣдовали въ томъ же журналѣ (за тотъ же годъ № 12) „Возраженія“ профессора Москов. Дух. Академіи А. В. Горскаго, который въ эту самую пору спеціально занимался составленіемъ „Историч. описанія св. Троиц. Серг. Лавры“. (Составленное въ 1841 году, оно сполна, и съ поправками митр. Филарета, съ прибавленіями также архим. Леонида, издано въ „Чтеніяхъ М. О. И. и Др. за 1878 годъ, и отдѣльно въ 1879 году: глава VI объ осадѣ очень важна). Съ своей стороны Голохвастовъ на возраженія Горскаго и другихъ рецензентовъ далъ „Отвѣтъ“ въ томъ же журналѣ (за 1844 г. №№ 6 и 7). Въ этой полемикѣ серьезнаго научнаго характера двоихъ знатоковъ дѣла многое было хорошо выяснено въ исторіи Троицкой осады и въ сочиненіи Палицына самого: это суть лучшіе критическіе труды по этому предмету. Въ то же время издавалась „Исторія смутнаго времени въ Россіи“ Д. Бутурлина, части I—III, СПБ. 1839—1846; въ этой исторіи, въ книгахъ 3, 4 и 5, данъ довольно обстоятельный очеркъ и Троицкой осады. Не безъинтересенъ очеркъ той же осады въ сочиненіи Н. Костомарова, Смутное время Моск. госуд. во 2 томѣ, въ главахъ V—VII. Въ юбилейный Сергіевъ годъ вышло изданіе Моск. Дух. Академіи на средства, дарованныя Е. Высокопреосв. митр. Леонтіемъ, трудами г. профес. Е. Голубинскаго, Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра, 1892, въ Сергіевомъ посадѣ: XIII глава книги объ осадѣ Лавры поляками содержитъ важныя разъясненія, касающіяся топографіи монастыря и военныхъ дѣйствій; вся вообще книга есть цѣнный вкладъ въ научную церковно-историческую литературу о Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Въ заклю-

ченіе этой замѣтки о сочиненіи Палицына и о трудахъ новыхъ историковъ осады назовемъ еще книгу г. Кедрова, Авраамій Палицынъ, Моск. 1880. Эта книга заключаетъ въ себѣ не мало интереснаго, цѣннаго въ научномъ отношеніи; но мы считаемъ попытку автора во всемъ непремѣнно оправдать Палицына и по замыслу излишнею, и по исполненію неудачною попыткой.

8) На стран. 84 „Сказ.“ Палицынъ говоритъ, что стрѣльба непріятелей по монастырю началась съ 3-го октября и продолжалась шесть недѣль; а на стр. 109, подъ 8 ноября, замѣчаетъ: „яко уже прейде 30 дней и 30 ночей“ съ того времени, какъ безпрестанно со всѣхъ сторонъ изъ-за всѣхъ туровъ изъ 63 пищалей верховыхъ непріятели били по городу. Тутъ противорѣчіе: гдѣ нибудь есть неточность, или обмолвка какая нибудь. Преувеличенно, конечно, и замѣчаніе о „безпрестанной“ стрѣльбѣ день и ночь.

9) Главы, описывающія тѣсноту въ монастырѣ, неопрятность и страшную болѣзнь, принадлежатъ у нашего автора къ наиболѣе яркимъ по выразительности, по рельефности описанія: такъ и видишь русскую картину, чувствуешь русскую „бѣду“!

10) О добываніи дровъ, съ бѣдствіями сопряженномъ, на стран. 145 и на стр. 184 „Сказанія“. Срав. выпись вылазкамъ, гдѣ часто говорится, что онѣ были за дровами: Ак. Истор. II, 212. Тамъ же стр. 284, въ отпискѣ троицкихъ старцевъ отъ іюня 1609 года. О вылазкѣ 16 генваря 1609 г. по дрова же смотр. отписку воеводъ къ царю въ Сборникѣ кн. Хилкова, Спб. 1879, на стр. 86—87. Срав. у Горскаго, Историч. опис. съ прибав. Леонида, стр. 58—59.

11) Здѣсь мы должны еще разъ отмѣтить, что въ монастырѣ было довольно хлѣба. Объ этомъ кромѣ Палицына (Сказан. стр. 197—199; 204—205) свидѣтельствуютъ троицкіе старцы въ отпискѣ къ царю: Акт. Истор. II, стр. 282—284. Въ данномъ случаѣ чернецъ житникъ Симеонъ преувеличиваетъ,—и понятно, по какому побужденію: онъ озабоченно смотритъ въ будущее; онъ хочетъ подѣйствовать на келаря, чтобы тотъ въ свою очередь подѣйствовалъ на царя, дабы обезпечить монастырь отъ возможнаго хлѣбнаго недостатка. А умирали не отъ голода, но отъ холода, да иныхъ дурныхъ условій жизни въ осадѣ.

12) Сборникъ кн. Хилкова, стр. 82—84.

13) Акт. Историч. II, № 182, отд. I. Срав. тамъ же на стр. 289 въ письмѣ Гурія Шишкина къ Палицыну лѣтомъ

1609 года: „да въ монастырѣ, государь, скорби умножилися великіе и смертоносные, по грѣхамъ нашимъ, на всякой день погребаютъ человѣкъ по 15 и по 20, кромѣ убожьихъ домовъ; а стрѣльцы и козаки всѣ лежатъ лоскомъ,—цынга смертная, ноги пухнутъ, да съ того и помираютъ". Ни въ письмѣ Годуновой, ни въ письмѣ Шишкина нѣтъ рѣчи о томъ, что умирало по 50, да по 100 человѣкъ на день: не преувеличиваетъ ли и здѣсь Палицынъ, приводя такія цифры? („Сказан." стран. 150—151; срав. слѣдующія страницы, гдѣ авторъ разсчитываетъ общее число умершихъ отъ цынги монашествующихъ и мірянъ, служилыхъ людей и простыхъ: по Палицыну это число простиралось до 2125 человѣкъ, сверхъ женскаго пола и недорослей, маломочныхъ и старыхъ). Если всё это число умершихъ раздѣлить на число дней, когда болѣзнь продолжалась, приблизительно 210 дней (отъ 17 ноября 1608 г. до половины іюня 1609 года), то выйдетъ, что ежедневно среднимъ числомъ умирало по десять человѣкъ. Если же допустить, что въ дни наибольшей силы болѣзни дѣйствительно умирало по 50, даже по 100 человѣкъ, то придется также допустить, что въ нѣкоторые дни умирало меньше 10, меньше 5 человѣкъ, а въ иные и вовсё не умирало ни одного человѣка, т. е. изъ монашествующихъ лицъ и служилыхъ людей, даже изъ другихъ лицъ (женскаго пола, недорослей, маломочныхъ). Всё это впрочемъ требуетъ точнѣйшихъ и методическихъ разслѣдованій.

14) Акт. Историч. II, № 182, отд. II.

15) Объ измѣнѣ казначея Дѣвочкина и Голохвастова Палицынъ говоритъ въ выраженіяхъ такихъ неопредѣленныхъ, такъ недоказательно и не ясно, что изъ нихъ ничего нельзя извлечь положительнаго для обвиненія этихъ лицъ. Мало доказываютъ и письма старшаго воеводы къ Палицыну, еще меньше безъимянный доносъ царю отъ имени троицкихъ старцевъ: Акт. Историч. II, №№ 241 и 242. Впрочемъ основательныя разсужденія по сему предмету уже сдѣланы въ статьяхъ Голохвастова. Срав. у Соловьева, Истор. Росс. VIII, стр. 214—219 (по 3-му изданію). Даже защитникъ Палицына замѣчаетъ: „если теперь, когда протекло болѣе $2^1/_2$ вѣковъ со времени осады Лавры, трудно въ хаосѣ разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ усмотрѣть элементы истины, и на основаніи ихъ опредѣлить достовѣрность факта измѣны казначея, то въ то время, когда только производилось разслѣдованіе темнаго дѣла, и по-

давно нельзя было сказать лицамъ, хорошо знавшимъ казначея, что онъ измѣнялъ". (С. Кедровъ, Авраамій Палицынъ, стр. 42—43). Дѣло это доселѣ остается темнымъ; но что Палицынъ обвинялъ казначея и втораго воеводу съ чужаго и враждебнаго голоса, да при томъ по неяснымъ даннымъ, а потому для исторіи неубѣдительнымъ, это довольно ясно. О немногихъ малодушныхъ, дѣйствительно измѣнившихъ и перебѣжавшихъ въ непріятельскій лагерь, смотр. въ „Сказан." на стр. 92—93; 135; 138.

16) Слово „сходники" у Палицына, кажется, то же значитъ (Сказан. стр. 169), что въ Новомъ Завѣтѣ, т. е. „соглядатаи": напримѣръ, въ посланіи св. апостола Павла къ евреямъ, въ главѣ 11, въ стихѣ 31.

17) О Лисовскомъ—въ Историч. опис. Лавры, 2-й части, на стр. 59. О послѣдней его судьбѣ—тамъ-же, 1 часть, стр. 116—117. Срав. въ книгѣ о чудесахъ преп. Сергія, № 13, стр. 43—46.

18) О приготовленіяхъ поляковъ и тушинцевъ къ приступу, послѣ зимняго бездѣйствія, кромѣ Палицына („Сказан." 171) смотр. въ Акт. Истор. II, стр. 200 и 211, гдѣ интересно описаніе такъ называемыхъ „рубленыхъ щитовъ". По отпискѣ осадныхъ воеводъ къ царю въ генварѣ 1609 года видно между прочимъ, что непріятели думали было окружить весь монастырь земляным валомъ, но отдумали: земля—де мерзлая, работать было бы очень трудно: Сборн. кн. Хилкова, стран. 87—88.

19) О приступѣ 28 іюня—Акт. Историч. II, № 182, письмо служанки Ольги Б. Годуновой; № 237, списокъ убитыхъ въ непріятельскомъ лагерѣ; №№ 241 и 242, отписки старцевъ и воеводы кн. Долгорукаго. Сборникъ кн. Хилкова, письма частныя и отписка оффиціальная воеводъ къ царю, на стран. 110—112; 114—117. Палицынъ должно быть позабылъ сказать про этотъ приступъ: онъ не говоритъ про него ни слова.

20) Сборникъ Муханова, изд. 2, Спб. 1866, №№ 97—103, письма Лжедимитрія изъ Тушина къ Сапѣгѣ. Сравн. въ Сборникѣ Хилкова, въ отпискѣ воеводъ отъ 23 генваря 1609 г. замѣчаніе, что отъ тушинскаго—де вора не идутъ служить къ Сапѣгѣ: обманываетъ—де, плохо платитъ жалованье: стр. 88. Сравн. въ Акт. Истор. II, № 234: сапѣжинцы-де мѣшаютъ тушинцамъ въ сборѣ жизненныхъ припасовъ на тушинскаго царика.

21) Грамоты царя Василія Ивановича въ разные города отъ 27 мая 1609 года въ Акт. Историч. II, №№ 221—223; 225—227. Сборникъ Хилкова, стран. 104—106. Грамоты отъ 28 іюня въ Акт. Арх. Экспед. II, №№ 127 и 128.

22) „Сказ. Палиц." главы 48 и 49. Горскій и Леонидъ, Истор. опис. Лавры, II, стр. 59.

23) Сказ. Палиц. глава 53 и 54.

24) Тамъ же, глава 55 и 56. Въ промежутокъ прихода Жеребцова и Валуева кажется была еще помочь монастырю отъ князя М. В. Шуйскаго: Акт. Арх. Экспед. II, стр. 262, столбецъ 2-й, показаніе старца Варсонофія Мамина.

Объ осадѣ Троицкаго монастыря сравн. отмѣтки въ Лѣтописи по Никонову списку, VIII, стр. 102—103: 128—130. Очень важенъ дневникъ главнаго вождя осады, Сапѣги: русскій переводъ его въ журналѣ „Сынъ Отечества" за 1838 г. Къ сожалѣнію мы не могли пользоваться этимъ дневникомъ и судимъ о его важности по указаніямъ на него другихъ изслѣдователей. О Сапѣгѣ—въ польскихъ дневникахъ, въ Русск. Историч. Библіотекѣ, т. I. Онъ умеръ въ 1611 году, съ 14 на 15 сентября, по нов. стилю, подъ Москвой, послѣ двухъ недѣль болѣзни: Рус. Истор. Библ. I, стр. 254. Срав. Горскаго, Историч. опис. Лавры, 116; И. Е. Забѣлина, Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время, на стран. 280. Но врагъ Троицкой лавры, въ годъ снятія осады ея, успѣлъ погубить въ другомъ мѣстѣ доблестнаго защитника ея, архимандрита Іоасафа; именно при взятіи Сапѣгой Пафнутіева Боровскаго монастыря, куда Іоасафъ, какъ на мѣсто постриженія своего, удалился было изъ Троицкаго монастыря, онъ погибъ вмѣстѣ съ другими иноками и воеводою кн. Михаиломъ Волконскимъ: Горскій, Истор. опис. Лавры 113; Лѣт. по Никонову списку, VIII, 136—137.

Мы далеко не успѣли представить очеркъ осады лавры съ тою полнотой и съ той изобразительностью, какъ бы желали, и какъ бы слѣдовало говорить о такомъ важномъ предметѣ. Мы опустили говорить о нѣкоторыхъ подробностяхъ въ ходѣ ея, какія сообщены Палицынымъ: пусть благосклонный читатель самъ обратится къ этому древнѣйшему историку Троицкой осады, у котораго много свѣдѣній и живыхъ чертъ времени, не только печальныхъ, но иногда веселыхъ, комичныхъ; мы полагаемъ, что для интересующихся предметомъ Сказаніе Аврамія

Палицына доставитъ много удовольствія, а вмѣстѣ возбудитъ въ нихъ желаніе видѣть очеркъ осады Троицкаго монастыря еще болѣе полнымъ и совершеннымъ въ отношеніи критическомъ, прагматическомъ и художественномъ. Закончимъ выводомъ о ходѣ осады монастырской. Четыре момента, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отличать въ ней болѣе опредѣленно: первый отъ начала прихода къ монастырю непріятелей до наступленія зимы, когда непріятели энергично наступали на монастырь, обстрѣливая его, ведя подкопы и разныя земляныя работы подъ стѣнами монастырскими, а потомъ—генеральный приступъ къ нему; второй моментъ или періодъ—зимній, когда непріятели ушли въ таборы, но въ самомъ монастырѣ открылась ужасная моровая болѣзнь; третій періодъ—весна и лѣто 1609 года, когда враги возобновляютъ приступы, но всѣ неудачно ведутъ ихъ; четвертый и послѣдній—осень и зима 1609—1610 годовъ, время ослабленія осады и усиленія монастыря въ отношеніи моральномъ и матеріальномъ.

25) Книга о чудесахъ преп. Сергія, № 9, о явленіи чудотворца Сергія Козмѣ Минину и о собраніи ратныхъ людей на очищеніе государству.

26) Тамъ же, № 2, объ умноженіи отъ малаго сусѣчца муки молитвами святаго. Житіе преподобнаго Діонисія, а именно разсказъ въ него вставленный отъ лица Іоанна Насѣдки, весьма замѣчательный по содержанію, по историчности: стран. 43—54 Правдивый, трогательный разсказъ! И такой прекрасный, что годится въ историческую христоматію.

27) Что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ избранъ на престолъ будто-бы съ ограниченіемъ своей царской власти, это нельзя считать научно доказаннымъ положеніемъ въ Русской исторіи.

28) Сказ. Палиц. главы 83—86. Горскій, Историч. опис. Лавры, стр. 122—124.

М. Бережковъ.

Б-
Б-
31